

- 13 *Ваши талисман. Автор-составитель Афанасьева О.* – Санкт-Петербург: Григон, 2006. - стр 336.
- 14 *Жұмбабаев М. Өлеңдер.* – Нұр-Сұлтан: Foliant, 2019. - 30 б.
- 15 *Сүлейменов О. Өлеңдер. Орыс тілінен аударған Қадыр Мырза Әлі.* – Нұр-Сұлтан: Foliant, 2019. - 67 б.
- 16 *Молдағалиев Ж. Өлеңдер.* – Нұр-Сұлтан: Foliant, 2019. - 108 б.
- 17 *Шаханов М. Өлеңдер.* – Нұр-Сұлтан: Foliant, 2019. - 42 б.
- 18 *Молдағалиев Т. Өлеңдер.* – Нұр-Сұлтан: Foliant, 2019. - 179 б.
- 19 *Оспанов М. Сандықтас.* - Алматы: Жанар, 1997. - 129, 19 б.; «Жырүйік», – Семей: Ғалам-Шар, 2005. - 79 б.
- 20 *Дәлейұлы Ұ. Қанымдағы қасқыр иісі.* – Алматы: Жалын, 2010. - 46, 30 б.
- 21 *Асан М. Сүйесің, жүрек, сүйесің.* – Астана. 2018 ж. - 29 б.
- 22 *Медеубаев Қ. Қара жәшік.* – Астана: Foliant, 2013. - 73 б.
- 23 *Жанғалиев Т. Ойлы адамда қызық жоқ.* – Семей: Ғалам-Шар, 2005. - 65 б.
- 24 *Руны и амулеты. Магическая символика современного мира.* – Москва: АСТ, 2018. - стр 492.

References:

1. *Ergaliev H. Öleñder.* – Nür-Sülтан: Foliant, 2019. - 29 b.
2. *Esdäulet E. Kiiz kitap.* – Astana: Elorda. 2000. - 48 b. 3
3. *Jaқыp B. Uaqyt үршүғы.* – Almaty. Jazyşy. 2004. - 134-135 b. 4
4. *Böken A. Täj.* – Astana. Foliant, 2016. - 52 b.
5. *Qoramsaılıy A. Şyğarmalary.* – Almaty. 1963. - 46 b.
6. *Jansügirov I. Öleñder.* – Nür-Sülтан: Foliant, 2019. - 203, 150, 151, 170, 171, 172, 207 b.
7. *Abai. Jastyqtıñ oty jalыndap.* – Almaty: Jazyşy, 2002. - 1 tom. 127 b.
8. *Oñğarsynova F. Öleñder.* – Nür-Sülтан: Foliant, 2019. - 102, 32, 218 b.
9. *Myrza Äli Q. Öleñder.* – Nür-Sülтан: Foliant, 2019. - 45 b.
10. *Amanjolov Q. Öleñder.* – Nür-Sülтан: Foliant, 2019. - 100 b.
11. *Aibergenov Q. Öleñder.* – Almaty: An Arys, 2010. - 77 b.
12. *Näjmedenov J. Öleñder.* – Nür-Sülтан: «Foliant, 2019. - 105, 94, 130, 137 b.
13. *Vaş talisman. Avtor-sostavitel Afanaseva O.* – Sankt-Peterburg: Grigon, 2006. - str 336.
14. *Jūmbaev M. Öleñder.* – Nür-Sülтан: Foliant, 2019. - 30 b.
15. *Süleimenov O. Öleñder. Orys tilinen audarğan Qadyr Myrza Äli.* – Nür-Sülтан: Foliant, 2019. - 67 b.
16. *Moldağaliev J. Öleñder.* – Nür-Sülтан: Foliant, 2019. - 108 b.
17. *Şahanov M. Öleñder.* – Nür-Sülтан: Foliant, 2019. - 42 b.
18. *Moldağaliev T. Öleñder.* – Nür-Sülтан: Foliant, 2019. - 179 b. 19 *Ospanov M. Sandyqtas.* - Almaty: Janar, 1997. - 129 b.;
19. *«Jyrүйік», – Semei: Ğalam-Şar, 2005. - 79 b.*
20. *Däleiiuly Ū. Qanymdaғы qasqyr iisi.* – Almaty: Jalyn, 2010. - 46, 30 b.
21. *Asan M. Süiesiñ, jürek, süiesiñ.* – Astana. 2018 j. - 29 b.
22. *Medeubaev Q. Qara jäşik.* – Astana: Foliant, 2013. - 73 b.
23. *Janğaliev T. Oily adamda qyzyq joq.* – Semei: Ğalam-Şar, 2005. - 65 b.
24. *Runy i amulety. Magicheskaia simbolika sovremennogo mira.* – Moskva: AST, 2018. - str 492.

МРНТИ 14.07.07

<https://doi.org/10.51889/2020-4.1728-7804.54>

Ломова Е.А.,¹ Маймакова А. Д.,² Хавайдарова М.М.³

^{1,2,3} Казахский национальный университет имени Абая,
Алматы, Казахстан

ФРАНЦУЗСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация

Франция в пушкинскую эпоху занимала исключительное место в культурной и духовной атмосфере русской жизни. Французский язык входил в менталитет русского дворянства, являющегося в тот исторический период хранителем интеллектуальной культуры нации, так что возник некий единый язык культуры.

Позднейшие русские авторы связывали образ Франции, воссозданный в их сознании, с выдающимися деятелями Просвещения и всеобщей культурной традицией этой страны. Но это не освобождало их от критического взгляда на облик французской действительности.

Легкость французов в категории исторического времени сочеталась, с их точки зрения, с новаторством во всех областях, политики и социально- общественной жизни. Русские писатели воспринимали стихию французской эпохи во всех ее проявлениях, отмечая при этом свободу личности, лежащей в основе развития и утверждения европейской демократии. Театральность кажется русскому взору одной из характернейших черт французского бытия и становится знаком и символом всей французской действительности.

Ключевые слова: культурная и духовная атмосфера, интеллектуальной культуры нации, всеобщая культурная традиция

Lomova E.,¹ Maimakova A.², Khavaydarova M.³

*^{1,2,3}Kazakh National Pedagogical University named after Abai,
Almaty, Kazakhstan*

FRENCH MENTALITY IN THE RUSSIAN LITERARY TRADITION

Abstract

France at in the Pushkin`s historical period was engaged in very important place in the cultural and spiritual atmosphere of Russian life. The French language was assault part in the mentality of the Russian nobility, became the guardian of the intellectual culture of the nation. These historical circumstances caused the appearing the special common language of culture accepted the both nationalities.

Taking the liberty of French people wish category of historical time was combined, according their opinion, with innovation in all sites of culture, and social public life. Russian writers enlightened the elements of the French mentality in all its manifestations, the freedom of the individual, which was basic of generation European democracy.

The tendency French nationality to performance daily life produced from Russian view one of the most characteristic features of French being and becalms a sign and symbol of French reality as well.

Keywords: cultural and spiritual atmosphere, intellectual culture of the nation, meaningful dialogue of two cultures, universal cultural tradition

Ломова Е.А.,¹ Маймакова А. Д.,² Хавайдарова М.М.³

*^{1,2,3}Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы, Қазақстан*

ОРЫС ӘДЕБИ ДӘСТҮРІНДЕГІ ФРАНЦУЗ МЕНТАЛИТЕТІ

Аңдатпа

Пушкин дәуіріндегі Франция орыс өмірінің мәдени және рухани атмосферасында ерекше орын алды. Француз тілі сол тарихи кезеңде ұлттың зияткерлік мәдениетін сақтаушы орыс дворяндарының менталитетіне кірді, сондықтан мәдениеттің біртұтас тілі пайда болды.

Кейінгі орыс авторлары Францияның санасында қалпына келтірілген бейнесін ағартудың көрнекті қайраткерлерімен және осы елдің жалпы мәдени дәстүрімен байланыстырды. Бірақ бұл оларды француз шындығының пайда болуына сыни тұрғыдан қарауға босатпады.

Француздардың тарихи уақыт категориясындағы жеңілдігі олардың көзқарастарымен, барлық салалардағы инновациямен, саясатпен және әлеуметтік - қоғамдық өмірмен ұштастырылды. Орыс жазушылары Француз дәуірінің элементтерін оның барлық көріністерінде қабылдады, сонымен бірге еуропалық демократияның дамуы мен бекітілуіне негізделген жеке адамның бостандығын атап өтті.

Театрлық орыс тіліне француз болмысының ең басты белгілерінің бірі болып көрінеді және барлық француз болмысының белгісі мен символына айналады.

Түйін сөздер: мәдени және рухани атмосферасы, ұлттың зияткерлік мәдениеті, жалпы мәдени дәстүр

Введение. Франция в период с середины XVIII и всю первую половину XIX столетия занимала исключительно важное место в культурной и духовной атмосфере русской жизни. Литература XVIII столетия пыталась воссоздать некую модель реального мира, в котором был бы упорядочен набор случайных и разрозненных предметов, объектов и явлений. При этом единственной точкой пересечения и связи всего разрозненного и случайного в мире остается человек. Он, будучи частью мира физического, способен мыслить абстрактно и логически, что связывает его с миром духовным.

В конце XVIII столетия Россия не чувствовала себя отрезанной от европейского пространства, но Франция литературная и Франция реальная, открывшаяся глазам путешественника, не всегда согласовывались между собой. Первые часы и соответственно первые страницы парижских впечатлений полны энтузиазма и предвкушения долгожданного познания французской жизни.

Русское дворянство французское как некий эталон вкуса и изящества что, впрочем, не меняло его отношения к определенным персоналиям в личном плане.

Времена великой французской революции, восхождение Наполеона и его захватнические войны, события июльской революции 1830 года не охладили интенсивность культурного взаимодействия между Россией и Францией.

Методика. Применение описательно-текстуального метода, включающего приемы интерпретации, анализа и обобщения литературного текста позволило определить основные направления и особенности осмысления французской ментальности и французского характера в русском сознании и выявить основные направления освоения и интерпретации французского образа жизни в русском обществе указанной эпохи.

Применяемая методика позволила уяснить основные точки соприкосновения русской и французской национальных традиций и проанализировать коммуникативные возможности взаимодействия двух общественных и культурных систем.

Результаты. Русская и французская ментальности в свете общекультурной традиции никогда не были антагонистичны в свете общекультурной традиции. Но французский образ жизни не представлялся спасительным и желанным, хотя, с другой стороны, никогда и не был враждебным для русского характера.

Восприятие французского мира глазами русского человека не носило статичный характер, а претерпевало значительные изменения в русском сознании.

Связь образа Франции с просветительской традицией не увязывалась с насилием и варварством по отношению к памятникам культуры, которые русские путешественники наблюдали воочию.

Русский ум не мог постигнуть очевидную легкость французов по отношению к категории исторического времени. Но представители русской культуры признавали несомненное новаторство французов в области политической, культурной и общественной жизни.

Русские путешественники отмечали атмосферу острой состязательности и неистребимого свободолюбия, которые наполняли французскую литературу и журналистику. Видимое пренебрежение к глубокому созерцанию действительности оборачивалась у французов живостью воображения и скоростью коммуникативной реакции, а театральность становилась главным символом французского бытия.

Обсуждение. Литературные тексты XVIII века отражали процесс того, как на русской почве заимствовались чужеземные модели поведения, связанные с бездумным подражанием, зафиксированным в понятиях «обезьянничанья» или «попугайничанья».

В речи галломанов слово как знак с закрепленным смысловым значением может подвергаться координальной трансформации. При этом довольно большую распространённость получает использование высоких, абстрактных или философских понятий, которые подаются в «сниженном или даже пародийном смысле» (1, с.147).

XVIII век стал для России веком пробуждения национального самосознания, обусловленного вхождением в европейский мир, постижением его завоеваний и поиска своего места в европейском пространстве.

Франция в этом смысле была самым ярким представителем европейской цивилизации, и русская культура делала попытки интеграции в качестве полноправного члена межкультурной коммуникации, а, с другой стороны, сохраняла желание признания своей самобытности.

Объектом осмеяния в комедии XVIII века становился не человек, которой привержен культуре Франции, а кодекс внешнего галломана, складывающийся из определенного количества формул и стереотипов, предусматривающих владение французским языком, особые манеры поведения и приемы светского обхождения.

В пародийном ключе галломан в данной культурной ситуации оказывается погруженным в иное культурное поле только на уровне внешней предметной атрибутики. Галломан, напроць отрицающий связь с собственными национальными корнями и культурной традицией, предстает в глазах истинно образованных людей как пародия на француза, «сохраняя при этом свою карикатурность и в глазах самих граждан Франции» (2, с.51).

Галломания как явление возникла как культурный и социальный феномен, связанный с процессами освоения чужеродного культурного пространства, а образ галломана является в его сатирическом и ироническом освещении сознательно выстроенной моделью, которая воспроизводила механизмы взаимодействия двух культур.

Письмам Д.Фонвизина свойственна непринужденная манера в описании материала, которая проявляется и в подборе лексики, ибо с его адресатом, стоящим на одном культурном и социальном уровне, возможно такое вольно-фамильярное обращение.

Д.Фонвизин был представителем культуры классицизма, которая утверждала рационально-идеалистический тип сознания и воспроизведения художественной реальности. В этой культуре идеальная и материальная сферы человеческого бытия были в равной степени существенны. Если «моделировался образ материальной реальности» (3, с. 147), которая оценивалась со знаком «минус», то формами её освоения занимались сатирические жанры.

Д.Фонвизин развенчивает Париж как некий символ культуры и святости, как некую идею и лишает его возвышенного облика, выводя из сферы чувствований в сферу приземленного быта. Путевые заметки наполнены описаниями одежды местных жителей, их церковных и обеденных церемоний.

Д.Фонвизин касается проблемы образования и науки, и в его рассуждениях также отсутствует пиетет перед французской философией и научной мудростью.

В истории русско-французской литературной коммуникации французский мир воспринимался вплоть до Н.Карамзина как некий чуждый русской культуре феномен, осмысление которого может происходить с помощью

пародийного проникновения в суть авторской идеи литературного контекста или определенный образ, выражающий природу национального характера.

Иронический подтекст и пародирование связаны, в первую очередь, с образом галломана, который является специфически французским с точки зрения русской ментальности и культуры. При этом этот образ не отражает сущность французской культуры в целом, а представляет собой попытку через призму иронии установить более «близкий контакт с «чужой» культурной средой, сделать его более интимным и дружеским» (4, с. 131).

В «Кошельке» Н.Новикова содержится история, в которой автор повествования совместно со своими друзьями делает попытку «Шуточного учреждения» для борьбы с засильем «французского наречия» в российском разговоре, в соответствие с которым каждый участник этого предприятия за каждое иностранное в российском разговоре без крайней нужды вымолвленное слово повинен заплатить двадцать пять копеек, а казна должна пополниться.

Автор полагает, что «сия выдумка государству не будет убыточна и что если понравится она многим, то сим способом хотя и мало обогатится язык российский, но много присоветуется казна Воспитательного дома».

Важнейший этап осмысления образа Франции в русской литературе связан с появлением «Писем русского путешественника» Н.Карамзина. Н.Карамзин приглашал своего читателя в художественное пространство, где русская и западная культура и ментальность не были антагонистичны друг другу. В его «Письмах» европейская цивилизация и система ее приоритетов и ценностей представлялась не как спасительная и желанная и не как враждебная русской национальной традиции.

Н. Карамзин предложил вместо противовеса несхожих традиций, обычаев и стиля жизни наполненный глубоким смыслом диалог двух культур.

Однако нахождение в гуще парижского быта и наблюдения за привычками, обычаями и характерами французов очень часто меняют настроение авторов эпистолярного жанра, наполняя его холодностью и негативными оценками.

Русские путешественники, принадлежащие к образованной элите русского общества, лелеяли мечту о том, чтобы найти во Франции эмпирическое соответствие тому, о чем они имели только ментальное представление.

Образ Франции, воссозданный в их сознании на родине, был неотрывно связан с деятелями Просвещения и величайшей культурной традицией. Эта земля была в их понятии родиной «прогрессивных социально-философских идей, богатейшей литературы, памятников живописи и архитектуры» (5, с. 7).

На деле русские путешественники видели множество погубленных варварством 1793 года памятников архитектуры, от их внимательного и заинтересованного взгляда не могли укрыться суэта, лицемерие и равнодушие парижан, прикрываемое учтивыми манерами, и все это создавало тягостное ощущение искусственно разыгрываемой пьесы, которая подменяла реальную жизнь и подлинные искренние отношения в человеческом сообществе.

Критический взгляд на подобный облик французской действительности был связан именно с нежеланием мириться с открывшейся картиной французского мира.

Отпугивала русских и та легкость, с которой французы относились к категории исторического времени.

Французская нация предстала как социум, лишенный твердой и устойчивой системы убеждений и взглядов. Так, на К.Батюшкова, вошедшего в Париж с русским войском в 1914 году, произвела сильное впечатление увиденная им сцена, когда парижане, прежде боготворившие Наполеона, пытались скинуть с пьедестала его бронзовый бюст, накинув на него верёвку.

В глазах русских эта французская легкость и непоследовательность выглядели неблагонадежностью и легкомыслием, в то время как именно эти качества делали их первооткрывателями и новаторами во всех областях науки, политики и социально-общественной жизни. Ситуация путешествия уже сама по себе означает наличие чего-то, выходящего за рамки обычного житейского сюжета.

Эти образы создают целый спектр смыслов, связанных с семантикой миражности и иллюзорного восприятия реальности.

В этом зеркале правда и ложь переплетаются настолько, что уже составляют единое целое, а сам ход жизни предстает как мелькающая смена множества декораций.

В русской ментальности, где «поспешишь – людей насмешишь», «тише едешь – дальше будешь», французская легкость во всем кажется непостижимой загадкой, особенно, когда легкий отказ от прошлых культурных и социальных завоеваний оборачивается новыми монументальными достижениями в любой области искусства или научного знания.

Русские наблюдали, как стихия реальной французской жизни требовала от человека умения находиться в ситуации тотальной состязательности, когда ни одна позиция или точка зрения не являлась окончательной или верной.

Соревновательная стихия затрагивала и литературу, и журналистику, давая разнообразную пищу для обсуждений, споров и политических дебатов, но при этом рождала свободу слова, волеизъявления, лежащие в основе понятия европейской демократии.

Авторы писем и «путешествий» составляют как бы коллективный портрет французского общества с очевидной тенденцией отказа от конкретной персонализации. Составляется собирательный образ француза, некоего человека из толпы.

Его облик в глазах русского наблюдателя лишён глубины и последовательной смысловой перспективы. Его взаимодействие с внешним миром осуществляется «в темпе скольжения по поверхности процессов, предметов и

явлений” (6, с. 17). Но именно видимое отсутствие глубокого погружения в реалии действительности формируют необыкновенную скорость мысли и коммуникативной реакции, которые с удивлением и завистью отмечали русские.

При этом важно понимать, что сознание русского путешественника оценивает Францию не как политико-географическую реальность, а как ту её модель, которая сложилась как некий ценностный ориентир внутри пространства русской ментальности и культуры.

Театральность кажется русскому взору одной из характернейших черт французского бытия. Французское пространство ассоциируется с неким захватывающим театральным действием, включающим сцену, партер, актеров и зрителей. В итоге театр становится символом и знаком всей французской действительности.

Театр предстает не только как основной вид общественного культурного досуга, а как некой концепт культурного облика французской нации в целом.

Подробные описания театральной жизни Парижа с разбором игры актеров, рецензий на пьесы и самих театральных заведений можно найти в дневниках и письмах В.Анненкова, В.Жуковского и А.Тургенева.

Театр во французских реалиях становится игровой моделью жизненного пространства и функционирует в роли некоего социального зеркала, в котором “зритель постигает истинное знание всех действий и событий” (7, с. 11).

Реальность, превратившаяся в водевиль, отражается в конкретном драматургическом жанре и соотносится со своей содержательной формой. Эта содержательность имеет потенцию не только адекватно отражать жизнь во всех её противоречиях, формах и красках, но и верно определить её траекторию и национальную специфику.

Заключение. Значение сатирического подхода к явлению действительности имело двойственный характер. С одной стороны, этот подход служил дискредитацией предмета изображения, но, с другой стороны, позволял вступить представителям одной культуры в диалогические отношения с культурной другой, благодаря чему осуществлялось преодоление раздвоенности двух миров и происходило выявление в отношениях между ними универсальной неделимой природы.

Межкультурная коммуникация предусматривает процесс адаптации одного языкового явления в иной языковой среде. Французские варваризмы получают иную жизнь на русской почве и начинают функционировать по законам русского языка. Поведенческий канон галломана становится одновременно и объектом литературной пародии, и объектом самосознания культуры, фактом определенного этапа интеллектуального развития и поведенческой модели, отражающей лицо своей эпохи.

Французский мир приобретал пространственные координаты, освоение которых происходило в литературных текстах XVIII столетия.

Предложенная в статье тема научного исследования может иметь большие потенциальные возможности в процессе углубления и развития коммуникативного подхода в литературоведении и изучении литературных текстов с точки зрения рецептивной эстетики.

Развитие указанной темы можно продолжить при изучении взаимодействия французской и русской ментальности в контексте литературного процесса XX века и современности.

Список использованной литературы:

- 1 Приказчикова, Е.Е. *Культ чести эпохи наполеоновских войн в русской и французской словесности первой трети XIX века // Филологический класс. - 2012.-№ 2(28).-С. 21-28.*
- 2 Брудиллина Н.Д. *Предисловие // Россия и запад: горизонт взаимопонимания. Литературные источники XVIII века (1726-1762) М.Иммиран. 2014.-845с.*
- 3 *Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. – Воронеж – в двух частях, 2016.-207с.*
- 4 *Восток и Запад: динамика диалога. – Екатеринбург, 2003-223с.*
- 5 Тирген П. «Homo sum» «Europaeus sum» «Slavus sum». *К вопросу о культурном споре между просветительством, европоцентризмом и славянофильством в России и западнославянских культурах // Ероазитский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. - Томск: Издательство томского университета, 2007. - С. 8-35.*
- 6 Сботова С.В. *Путешествие как культурная универсалия в художественно-философской мысли Великобритании, Германии и России XVIII-XX вв. Пенза, 2011.-23с.*
- 7 *Русская классика в диалоге культур. – М.Иммиран, 2008, -334с*

References:

1. Prikazchikova, E.E. *Kült chesti epohi napoleonovskih voin v ruskoj i fransuzskoj slovesnosti pervoi treti XIX veka // Filologičeski klas. - 2012.-№ 2(28).-S. 21-28. 2*
2. Brudilina N.D. *Predislovie // Rosia i zapad: gorizon vzaimoponimania. Literaturnye istochniki XVIII veka (1726-1762) M.İmliran. 2014.-845s. 3*
3. *Vzaimoponimanie v dialoge kùltur: uslovیا uspeşnosti. – Voronej – v dvuh chastäh, 2016.-207s. 4*
4. *Vostok i Zapad: dinamika dialoga. – Ekaterinburg, 2003-223s. 5*
5. Tirgen P. «Homo sum» «Europaeus sum» «Slavus sum». *K voprosu o kùlturnom spore mejdu prosvetitelstvom, evroposentrizmom i slavänofilstvom v Rosii i zapadnoslavänskih kùlturah // Eroazitski mejkùlturnyi dialog: «svoe» i «chujoe» v nasionälnom samosoznanii kùltury. - Tomsk: İzdatelstvo tomского universiteta, 2007. - S. 8-35. 6*

6. Sbotova S.V. *Puteşestvie kak külturnaia universalialia v hudojestvenno-filosofskoi mnenii Velikobritanii, Germanii i Rosii XVIII-XX vv. Penza, 2011.-23s. 7*
7. *Ruskaia klasika v dialoge kültur. – M.İmliran, 2008, -334s*

МРНТИ 14.07.07

<https://doi.org/10.51889/2020-4.1728-7804.55>

Ломова Е.А.,¹ Хавайдарова М.М.,² Поляк З.Н.³

^{1,2,3}Казахский национальный университет имени Абая
Алматы, Казахстан

ФРАНЦУЗСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СТРУКТУРЕ ПУШКИНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация

В художественном мире пушкинского текста соотнесение русского и французского пространств приобретает внутреннюю энергию и значимость. А.С.Пушкин- историк и литератор- переживает сложный процесс осмысления координат «своего» и «чужого».

Историческая и культурная перспектива являют в пушкинском художественном нарративе особенности и тенденции своей исторической эпохи, в силу чего французский и русский художественные миры сохраняют в его произведениях не только четко очерченные границы, но и взаимопроникают друг в друга.

Образ Франции в силу объективных причин не подкреплялся реальным жизненным опытом и личными впечатлениями автора, но художественный рассказ не требует по своему жанру абсолютной исторической объективности и исчерпывающей документальности.

Мастерство художника как раз и состоит в том, чтобы воссоздать живую картину иной действительности и передать читателю ее колорит, атмосферу и национальные особенности.

Ключевые слова:соотнесение русского и французского пространств, историческая и культурная перспектива, образ Франции

Lomova E.,¹ Khavaydarova M.,² Polyak Z.³

^{1,2,3} Kazakh National Pedagogical University named after Abai,
Almaty, Kazakhstan

FRENCH SPACE IN THE STRUCTURE OF THE PUSHKIN ART TEXT

Abstract

The correlation of Russian and French spaces acquired In the artistic of Pushkin works the internal energy and significance.

A.S. Pushkin, a historian and writer, was experienced a complex process of coordinates « native» reality and "stranger" reality.

The historical and cultural perspective was represented in Pushkin artistic narrative features and trends of his historical period. According this approach the French and Russian artistic worlds retained not only clearly defined boundaries in Pushkin works, but also interpenetrated into each other.

The image of France, for objective reasons, was not supported by the real life experience and impression of the author, but the artistic story does not require absolute historical objectivity and exhaustive documentality in its genre.

The artist's skill involves recreation a living picture reality and convey the reader its color, atmosphere and national shades.

Keywords: correlation of Russian and French spaces, historical and cultural perspective, image of France

Ломова Е.А.,¹ Хавайдарова М.М.,² Поляк З.Н.³

^{1,2,3} Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан